

по домашнему хозяйству у знати, верхов буржуазии и офицеров. Вместе с тем, в первой половине XIX в. и в Северном Казахстане города становятся центрами экономической жизни региона.

А. А. ЖИРОВ
Россия, Тара, педколледж

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СУДЬБАХ ГОРОДОВ И КУПЕЧЕСТВА ТАРЫ И КЯХТЫ

Экономические и политические изменения всегда сказывались не только на судьбе конкретных людей, но и на судьбе целых населенных пунктов. Объектами исследования в данном случае являются провинциальные города Сибири Тара и Кяхта, прежде всего потому, что эти города связаны были традиционно крепкими деловыми связями купечества. В какой-то степени оказались похожими и судьбы этих городов. В разное время взошли торгово-промышленного развития этих городов сменились падениями и превращением этих городов в захудалую провинцию, лишенную всякого внимания к былой их славе.

Источниками исследования послужили книги городских обывателей, метрические книги, клировые и исповедальные ведомости, разнообразные архивные материалы, освещавшие деятельность городских дум, деловую и личную жизнь предпринимателей (ТФ ГАТО, ГАОО, ТФ ГАОО, ГАИО, НАРБ), материалы периодической печати, в т. ч. специальных журналов («Сибирский архив», «Горный журнал» и др.), воспоминания современников (Н. С. Романова, И. И. Попова, В. В. Птицына, А. Г. Демина, И. А. Носкова, Г. М. Осокина, М. А. Бестужева и др.), свидетелей переломов в судьбах купечества и самих городов.

В разное время оба города подвергались почти полному разорению. Две большие беды — пожары и наводнения — неоднократно лишали Тару промышленных заведений. Антипетровское выступление старообрядцев против указа о престолонаследии в 1722 г. привело к разорению купцов и горожан уже по политическим и религиозным мотивам. Насе-

ление Тары к 1724 г. сократилось почти вдвое, наиболее активная и предприимчивая часть жителей была либо казнена, либо отправлена на каторгу в Рогервик, либо боясь преследований коронной власти и тобольской администрации пыталась найти укрытие в самых глухих уголках Сибири. Перенесение торгового тракта в сторону Омска во второй половине XVIII в. лишило тарчан дополнительных заработков, которые давало обслуживание останавливавшихся в Таре купеческих обозов российских, восточно-сибирских и азиатских купцов. Во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв. здесь были построены шесть каменных православных храмов, две часовни, каменная мечеть, два первых в Среднем Прииртышье частных каменных дома купцов Нерпиных. Все это для малого города было показателем относительно высокого уровня благосостояния жителей. Некоторое время движение по старому тракту продолжалось, но со значительно меньшей интенсивностью, а потому не давало прежних доходов. Проведение железной дороги, которая миновала Тару, окончательно оставило ее на позициях захудалой провинции.

Время расцвета Кяхты наступило позже, но в ее судьбе определенную роль сыграли выходцы из Тары, с которой она долгое время имела прочные связи. С падением экономического значения Тары и с подъемом кяхтинской торговли усиливалось стремление наиболее предприимчивых тарчан попасть в «Песчанную Венецию», «золотое дно», «где только ленивый не может разжиться». Небольшая торговая слобода, главный пункт пограничной торговли с Китаем, была известна тарскому купечеству со второй половины XVIII в. Нерпины и Пятковы большую часть своей юфти отправляли туда для обмена на китайские товары. В начале XIX в. там торговали Айтыкины, И. М. Немчинов, ходили с купеческими обозами извозчики-ломовщики. Уходили зимой и возвращались только к покосу. Один за другим влились в состав 20—30 кяхтинских миллионеров выходцы из Тары И. А. Нерпин, И. А. Носков, Я. А. и М. Ф. Немчиновы. В Кяхте родились их дети, которые стали известными в Забайкалье предпринимателями.

Наибольшая удача способствовала Я. А. Немчинову, которому суждено было стать одним из самых богатых людей Сибири. Внук бывшего государственного крестьянина Семёна Ивановича Немчинова, сын тарского мещанина Андрея Семеновича Немчинова, имевшего лишь небольшую кожев-

ню, Яков Андреевич Немчинов (1811—1894) поднялся из низов до самых вершин предпринимательской деятельности и стал купцом в первом поколении. Учитывая, что он достиг этих вершин благодаря не только удаче, но и выдающимся деловым качествам, труду «от рождения до гроба», его путь в купцы можно назвать уникальным, требующим особого внимания исследователей. Если внимательно присмотреться к деятельности Я. А. Немчинова и выделить в ней приоритетные цели, то нетрудно заметить, что они в целом совпадают с подъемами и спадами кяхтинской чайной торговли. Если до середины 60-х гг. он выступал в качестве комиссионера, посредника европейских и сибирских фирм и вел активно самостоятельную торговлю чаем в городах России и Сибири, а также на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, то в 70—80-е гг. главным и для него, и для его зятей, становится участие в золотопромышленных компаниях: «Прибрежно-Витимской», «Бодайбинской», «Компании промышленности». Участие в них принесло Я. А. Немчинову капитал в 17 млн. руб., который перешел по наследству к сыну А. Я. Немчинову. Несмотря на это, имея дома в Верхнеудинске, Иркутске и других местах Восточной Сибири, он не изменил до конца своих дней привязанности к Кяхте. И много для нее сделал: учредил общественный банк (1844 г.), купил дом и учредил ремесленно-сиропитательную школу (1885 г.), выстроил Успенскую церковь (1884—88 гг.). Живя в Кяхте, Я. А. Немчинов поддерживал многих родственников и земляков, всю жизнь помнил долг перед местом своего рождения. В Таре им была выстроена часовня на Тихвинском кладбище, на могилах родственников и выдающихся земляков он установил привезенные из Екатеринбурга памятники и надгробные плиты с краткими пояснительными текстами, огородил кладбище каменной оградой. Как и в Кяхте, он открыл городской общественный банк и сиропитательное заведение с ремесленными классами. Приезжавшие в Забайкалье тарчане радушно принимались, им оказывалась помощь в торговых операциях, при устройстве в приисковые конторы, при транспортировке грузов домой. В ответ из Западной Сибири от многих купцов и мещан ему в Кяхту шли телеграммы и поздравительные письма в Рождество Христово, Новый год, Святую Пасху.

4 После миссии Н. П. Игнатьева в Китае (1859—1860 гг.) в эту страну во главе первого каравана кяхтинских купцов и депутации, состоящей из поверенных 8 фирм, отправился

Иван Алексеевич Нерпин. Специально созданная градоначальником А. И. Деспот-Зеленовичем газета «Кяхтинский листок» освещала их деятельность, помещая письма Нерпина из Урги, Калгана и Пекина. Библиотека И. А. Нерпина была одной из лучших в Троицкосавске-Кяхте.

Следует отметить Ивана Андреевича Носкова, уроженца г. Тары, одного из общественных деятелей, выдвинутых из среды кяхтинского купечества, который не только оказался способным критически осмыслить состояние российской торговли с Китаем, но и выдвинуть целую программу ее улучшения. Его статьи и отдельные работы, выпущенные в Иркутске и Санкт-Петербурге, были известны высокопоставленным особам, предложения «находили сочувствие», но практической поддержки так и не получили.

В конце XIX в. Кяхта повторила судьбу Тары. К 70-м гг. она из главного центра стала транзитным. К 1872 г. 3/4 чая китайских фирм уже шло через Англию, а с 80-х гг., когда началась регулярная морская торговля с Китаем через Одессу, не только упал престиж торговой слободы, но и начался массовый отъезд перспективной купеческой молодежи. Окончательный удар по кяхтинской торговле нанесло строительство в начале XX в. Транссиба и КВЖД, которые прошли мимо Кяхты. Негативно сказалось восстание ихэтуаней и закрытие порто-франко в Забайкалье и Приамурье. В результате монгольской революции 1911—1912 гг. торговые отношения через Забайкалье были надолго прерваны.

Сравнивая судьбы и торговое значение двух провинциальных городов следует понимать, что история каждого из них своеобразна и во многом просто несопоставима.

Но есть моменты роднящие Тару и Кяхту в смысле слияния европейской и азиатской культур. В Таре с момента ее основания 1594 г. русские казаки и стрельцы, а потом трудовое население, мирно соседствовали и сотрудничали со служилыми татарами (казанскими, свияжскими, сибирскими), башкирами, балаковцами, а потом с поселившимися в южной части города бухарцами, торговыми посредниками между сибирскими и среднеазиатскими городами. Конечно, в Кяхте слияние культур проявилось ярче и многообразнее, так как это население находилось на границе нескольких культур — европейской, русской, китайской, монгольской, бурятской. И. И. Попов писал: «Все религии мира слились здесь, уживаются также мирно, как на сопке Тункинских альп мирно живут православные и буддийские часовни, обо даоситов,

и пирамида камней шаманистов». Здесь сходились культура европейца, быт кочевника-намада и тысячелетняя застоявшаяся цивилизация Серединного царства.

Особое значение Кяхты как торгово-пограничного пункта известно. И как в XVII в. Тара, будучи форпостом освоения юга Западной Сибири русскими, давала жизнь другим форпостам и крепостям пограничных линий, так и Кяхта во второй половине XVIII—XIX вв. давала содержание и смысл жизни г. Троицкосавску на российской стороне и г. Маймачену на китайской.

Сходство судеб названных городов в том, что как до революции, так и в советское время, оба города не страдали от избытка внимания историков. Тому много причин: существенное изменение роли этих городов в социально-экономической жизни России, специфические традиции негативного отношения к купечеству в нашей отечественной историографии; невнимание к провинции и другие.

Более пристальное знакомство с историей провинциальных купеческих городов позволяет заглянуть в историю нашей родины как бы изнутри, из самой ее глубины и по-новому прочесть ее, выявляя ранее остававшиеся незамеченными тенденции.

Ю. В. КУЗЬМИН
Россия, Иркутск, университет

РУССКАЯ КОЛОНИЯ В УРГЕ (1861—1921 гг.)

Наиболее значительная русская колония в Монголии находилась в Урге — политическом и религиозном центре страны и своеобразном восточном городе. По образному выражению И. М. Майского, «город в Монголии носил чужеземный костюм, был городом-инстранцем», в котором кроме монголов проживали китайцы, тибетцы, буряты, русские, европейцы.

Формирование постоянной русской колонии в Урге началось в 1861 г. с создания консульства России. Вопросы обустройства русских, трудности и проблемы их адаптации нашли слабое освещение в литературе (Ш. Б. Чимитдоржиев,

Е. М. Даревская). В архиве внешней политики России и ГИО находятся уникальные архивные материалы, позволяющие в деталях описать процесс становления и развития русской колонии. Особую ценность имеет неопубликованный записка генерального консула в Урге Я. П. Шишмарева «Отчет о 25-летней деятельности Ургинского Консульства» (1886 г.). Из архивных документов известно, что основу русского торгового поселения составили выходцы из Кяхты. Первые двадцать купцов приехали вместе с консулом. Постепенно Урга становится центральным торговым пунктом в Монголии. Русским торговцам пришлось столкнуться с запретами и ограничениями местной администрации, жесткой конкуренцией китайских купцов.

Инициатором многих полезных дел в Урге являлся консул Я. П. Шишмарев — выпускник войсковой русско-монгольской школы, участник Амурской экспедиции, почти 50 лет прослуживший в консульстве.

Формирование русской колонии в Урге имело свои особенности: во-первых, она создавалась на добровольной основе, не действовал фактор «выталкивания» русских из России (классический при формировании диаспор); во-вторых, стихийное движение русских переселенцев и торговцев пользовались определенной поддержкой государства, заинтересованного в экономическом освоении Монголии; в-третьих, русские имели собственные органы управления, школы, религиозный центр — православную церковь, созданную в основном на деньги кяхтинских купцов; в-четвертых, русскими колонистами в Монголии считались не только русские, но и буряты, евреи, татары и др.; в-пятых, принимающее общество — монгольский кочевой мир, относился к русским доброжелательно. Соперничество и конфликты возникали не с коренным населением страны, а с другой диаспорой — китайской, имеющей многовековой опыт сосуществования с монголами.

Особое место в русской колонии занимали буряты — выходцы из России. С XVII в. с принятием ламаизма, они приходили на поклонение буддийским святыням в монастыри Монголии, некоторые из них имели в Урге и худоне родственников. Близкие по языку, религии и культуре они выполняли посредническую роль между русскими и монголами, часто выступали переводчиками и информаторами о событиях внутри монгольского мира, а с другой стороны — носителями информации о России и европейской культуре для мон-